

«КАК ПОЭТ Я ИЗ ПОЛИТИКИ НЕ УЙДУ!»

Так сказал после вечера бывший депутат в интервью корреспонденту «НГ»

Независимая газ. - 2001. - 20 июля. - с. 7.

Александр Щуплов

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, что лучше: когда поэты идут в политику или когда они из нее уходят?

— Для меня это был колоссальный жизненный опыт — когда я был членом парламента. Горжусь этим периодом моей жизни. Я нигде не покривил душой и сделал все, что мог. У меня есть чувство выполненного долга и перед Харьковом, и перед страной в целом. Я знаю, что многие депутаты боятся ездить в те города, где их выбирали, а мне стыдиться нечего. Я не врал, не давал напрасных обещаний, что мог, то и делал. Приходилось даже черт-те чем заниматься — доставать стиральный порошок для огромного города, совершая чуть ли не полумаховские налеты на поезд с этим самым порошком.

Но политика — не моя профессия. Когда группа депутатов, возглавляемая Олегом Баилашвили, в свое время, когда освободилось кресло министра культуры, предложила поддержать мою кандидатуру на это место, я сразу отказался. Кстати, кандидатуру Евгения Сидорова предложил я и оказался прав: Сидоров, как я написал в своем стихотворении, это один из немногих министров, кто себя ничем не замарал.

В то же время я никогда не отвернусь от политики как писатель. Я считаю, что это чисто русская традиция. Все большие русские поэты были мастерами любовной, пейзажной лирики, но в то же время и гражданскими поэтами. Они чувствовали ответственность за все, что происходит в России. Классический пример — Пушкин.

«Давайте любить друг друга! Давайте чистить друг другу ботинки!» — эту фразу из пьесы про постаревших мушкетеров, которая пойдет осенью в Театре Ермоловой, разыграли на вечере сам автор (Евгений Евтушенко) и режиссер (Владимир Андреев).

— Вы согласны с тем, что художник должен быть в оппозиции власти?

— Я не считаю, что художник должен находиться в нарочитой оппозиции к власти, то есть заранее заставляя себя быть в оппозиции. Но когда власть в чем-то не права — в отношениях с народом, с интеллигенцией — он не имеет права отмалчиваться. А специально себя на это настраивать — получается поза. Нарочитое противостояние взаиморазрушающее.

— Стало быть, надо находить зо-

— Вы дружите с политиками?

— Нет.

— Сейчас в политику пошли женщины. Как вы к этому относитесь?

— Я очень уважаю многих наших женщин и считаю, что часто они умнее мужчин. Но не думаю, что в Думе находятся именно лучшие представительницы женского пола. Возьмем, например, госпожу Слиску. Она обеими руками голосовала за перелицованный гимн, слова которого настолько плохи, что их никто не может запомнить. Вот увидите, через пять лет эти

— Вы бы отпустили свою жену Машу в политику?

— Нет, я не желаю ей этого, а она не желает этого мне. Но повторяю: я из политики как поэт не уйду. Никогда! Даже тогда, когда все будут трусить писать — как сейчас трусят писать о Чечне, как трусили писать о расстреле Белого дома. Я горжусь тем, что все-таки нашелся поэт, который не отвернулся от этого, и этим поэтом был я. Я готов подписаться под каждой строчкой того, что я написал о расстреле Белого дома. В этой истории были отвратительны и антинародны обе стороны. А народ представлял никому неизвестный священник, который вышел с иконой и встал между стреляющими в друг друга людьми, обалдевшими от борьбы за власть. Он пытался их остановить и вразумить, то есть делал то, чем и должна заниматься наша Церковь. А то она больше уделяет внимания политиканству и торгашеству, вместо того чтобы заниматься защитой народа и его совестью.

— Вот вы не принимаете перелицованный Гимн, а между тем власть апеллировала к большинству, которое его принимает!

— Да, власть ссылается на так называемое большинство, но оно, по-моему, было в достаточной степени скомпрометировано в прошлом: именно это большинство осуждало Пастернака, а в 1937-м голосовало за уничтожение «врагов народа». Мало ли было примеров поведения оглуленного большинства? Народ воплощают его лучшие представители, а не так называемое большинство. Пушкин, Толстой, Некрасов, Шостакович — это народ! А сейчас, к сожалению, опять намечается разрыв между талантливыми людьми и властью. Это очень опасно. Я считаю своим долгом предупредить мою Родину об этой опасности.

— А вы не боитесь, что Никита Сергеевич Михалков может на вас обидеться за упреки в адрес Гимна?

— Никита Михалков — очень талантливый режиссер, но, но... Но я сомневаюсь, что он — убежденный монархист, если одновременно он стоит за сохранение мавзолея Ленина.

— Может быть, у него происходят какие-то процессы на генном уровне?

— Возможно. Я люблю Михалкова-режиссера с отдельными оговорками. Но я как режиссер никогда бы не дал ему положительную роль, потому что в его шарме есть негативный элемент, который он не может победить — как и внутри своего характера. В нем очень часто проявляется поразительное смешение. Он физиологически талантливый человек, но, к сожалению, иногда преступает законы совести. Когда речь идет о национальном Гимне, художник не может не понимать, что это чудовищные слова!

Женщины любят ушами. Особенно поэзию, особенно в России. Фото Михаила Циммеринга («НГ»-фото)

Его на все хватало. Потому и не получилось заменить его на знамени русской поэзии Фетом. Фет — хороший поэт, но он не сравним с Пушкиным в этой гармонии сочетания общественного и личного. Можно быть хорошим поэтом в России, но большим поэтом без этого стать у нас невозможно.

— Как складываются сейчас ваши отношения с властью?

— Я не думаю об этом и не напрашиваюсь. Кстати, хочу напомнить любопытную вещь: за всю историю государства ни один руководитель России — где любил и любял поэзию, как нигде в мире — не был ни на одном поэтическом вечере. Никто, даже Горбачев!

— Маяковский читал поэму о Ленине перед большевистским кулуаром во главе со Сталиным в Большом театре...

— Это был вечер памяти Ленина. Но на вечере поэзии никто никогда не был. Потому что они боялись непредсказуемости поэтов. Они не знали, что может поэт прочесть в их присутствии, и страшились разделить с ним ответственность.

лотую середину между поведением Державина-министра при Фелице-Екатерине и оппозиционной позицией Бродского?

— Кто это сказал, что Бродский был в оппозиции? Я не знаю ни одного политического стихотворения Бродского, которое он написал бы в России. У Бродского не было советских стихов — это другое дело. Но у него не было и антисоветских стихов, хотя отдельные политические мотивы в его стихах иногда звучали... Бродский был жертвой режима, это правда. Но Бродский не был борцом против него. Зачем придумывать ему образ героя? Это власть ошиблась, принимая все не советское за антисоветское.

— Если бы вам предложили баллотироваться в Госдуму от какой-либо партии или движения, вы бы согласились?

— Ни в коем случае! Неужели вы думаете, что мне не предлагают? Мне предлагали еще во время второй избирательной кампании, но я сразу отказался. Это все-таки совсем другие люди, нежели те, которые собирались на Первый съезд.

слова будут отменены. Этот гимн явно не получился. Никогда люди не будут стоять и петь его со слезами на глазах. Не будет этого, потому что слова пиничны, пусты и бездарны! Россия, за спиной которой такая великая поэзия, изрыгнет из себя этот гимн. Президент был очень неправильно ориентирован своим окружением на якобы всенародное желание этого гимна.

Так вот, когда я слышал выступление Слиски, я смотрел на нее и поражаюсь, что женщина с таким низким культурным уровнем является вице-спикером Думы. Хотя если оглянуться, так и Жириновский — просто национальный позор: а ведь тоже вице-спикер! Ха-камада — интеллектуальная женщина, тут ей не откажешь. Но как у нее язык повернулся сказать в свое время о бастующих шахтерах, которые стучали касками, что, если им нечего делать, пусть лучше грибы в эти каски собирают?! Как она могла при всей рисуемой на лице интеллектуальности быть такой бесчувственной?! Не Хакамадой, а Хиросимой!